ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации СТЕШЕВИЧ Варвары Юрьевны «Категория императивности и средства её объективации в русском и сербском языках», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.03 – славянские языки

Феномен императивности относится к числу древнейших предметов рассмотрения в европейской лингвистической традиции. Еще основатель софистики Протагор отмечал сложные отношения между формальной категорией императива и ее семантико-функциональными характеристиками. Это и не удивительно, поскольку функция воздействия на адресата является необходимой составляющей процесса общения, а императивность всегда так или иначе представлена в языке и речи.

Однако, несмотря на столь почтенную историю вопроса, мы не можем считать эту тему закрытой. Прогресс в науке приводит к тому, что стандарты анализа становятся все более строгими, а потому на каждом этапе своего развития языкознания должно заново интерпретировать освященные традицией предметы, чтобы вывести их рассмотрение на уровень современности. Вместе с тем и язык находится в постоянном процессе изменения, так что даже если нам в принципе ясна та или иная языковая категория, ее конкретная реализация в данном языке в данный момент всегда представляет собой уникальную конфигурацию фактов, требующих своего соотнесения с теорией.

В силу этих обстоятельств представленная Варварой Юрьевной СТЕШЕВИЧ диссертация, эмпирической базой для которой послужили прежде всего сербские и отечественные Интернет-форумы, несомненно является ***актуальной*** и вносящей ощутимый вклад в рассмотрение феномена императивности в современном сербском и современном русском языках.

В диссертации предложена оригинальная модель структуры семантической категории императивности, которая неодинаково проецируется на сербский и русский языковой материал, формируя соответствующие функционально-семантические поля. Отметим, что в существующей литературе вопроса мы имели дело, как правило, либо с работами по философии языка, оперирующими искусственными конструктами, а не фактами живого языка, либо к работам, основанным именно на языковом материале, как в практически все существующих комплексных описаниях названной категории в том или ином языке.

Весьма важным представляется содержащееся в диссертации обоснование того обстоятельства, что побуждение, вопреки расхожему мнению и традиционным дефинициям, не во всех случаях предполагает волеизъявление.

Оригинальной следует считать предложенную многоступенчатую классификацию «частных вариантов императивного значения» (с. 202) в русском языке, которая была потом «спроецирована» на сербский язык для выявления эквивалентных типов императивного значения в сербском.

Обращение к материалу Интернет-форумов (возникший на наших глазах феномен спонтанной письменной речи, сочетающей в себе особенности и речи устной, и речи письменной) позволило выявить в современном сербском и русском языках тенденции развития средств и способов выражения императивной семантики, не проявлявшихся достаточно отчетливо ранее.

В частности, было откорректировано наблюдение В.С. Храковского и А.П. Володина над формами, которые В.И. Беликов в докладе на конгрессе «Русский язык: исторические судьбы и современность» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 2001) назвал «авторитарным императивом» (*Ну-ка, **спрыгнул** сюда, боец!*): материал русских Интернет-форумов свидетельствует об их парадигматичности (с. 185 след.).

Интересно и отмеченное в диссертации (с.117-121) появление новых типов аналитических императивных конструкций с десемантизированными формами «пойдем(те)»,

«пошли», «погнали», «айда», ср. ***Айда*** *где-нибудь встретимся* = ***Давай*** *где-нибудь встретимся.*

Мои ЗАМЕЧАНИЯ по диссертации связаны с желанием придать предлагаемой автором концепции больше методологической целостности и последовательности, а также с некоторыми уточнениями прежде всего терминологического характера.

Я хотел бы сначала отметить два общих соображения, а потом перейти к замечаниям по отдельным страницам.

1. В 1998 году в Петербурге Алина Юрьевна Маслова защитила кандидатскую диссертацию с очень похожим названием: «Средства выражения побудительного значения в сербско-хорватском языке в сопоставлении с русским», а в 2009 году в том же Петербурге – диссертацию докторскую, причем также по близкой тематике: «Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским)». Как нам представляется, вполне уместно было бы эксплицитное разъяснение, чем конкретно диссертация В.Ю. Стешевич дополняет и/или корректирует результаты названных двух уже защищенных диссертаций. Отметим, что мы не нашли библиографических данных ни кандидатской, ни докторской диссертации А.Ю. Масловой в «Литературе» на с. 206-218, хотя первая из них упоминается в сноске на с. 123 и на с. 126.

2. В диссертации много терминов, значение которых в разных работах (в том числе в работах классических) неодинаково. Например, сочетание «категория императивности», употребленное в заглавии диссертации и постоянно встречающееся на её страницах, в лингвистической литературе может употребляться в самых разных значениях: как морфологическая категория, как грамматическая категория, как семантическая категория, как функционально-семантическая категория, как коммуникативно-семантическая категория и т.д. То же относится и к прочим терминам данной тематической группы (побудительность, прескриптивность, апеллятивность, директивность и т.д.). Наличие отдельного параграфа, посвященного унификации используемой в диссертации терминологии, весьма облегчило бы чтение работы.

Мои постраничные замечания касаются, прежде всего, отдельных формулировок.

с. 5. «Ряд современных ученых, как, например, … В.С. Храковский и А.П. Володин, разрабатывая вопрос о соотношении императива и глагольного наклонения, приходит к выводу, что, ввиду своих формально-семантических особенностей, императив не входит в состав категории глагольного наклонения».

Вряд ли В.С. Храковский и другие уважаемые коллеги не в курсе, что в школьных учебниках с античных времена императив рассматривается именно в составе глагольного наклонения (modus imperativus > повелительное наклонение; modus conjunctivus > сослагательное наклонение etc). Речь идет о том, что термин «императив» может и должен употребляться также и в более широком, чем школьное, значении.

с. 5. «Наряду с этим, как отмечает А.И. Изотов, категория императивности занимает двоякое положение в рамках семантической зоны модальности, поскольку "императивные высказывания, традиционно и вполне обоснованно относимые к ирреальной модальности… в то же время выявляют смыслы долженствования и возможности", то есть имеют непосредственное отношение также и к оценочной модальности».

Во-первых, в диссертации Изотова категория императивности рассматривается не как семантическая категория (так она понимается в диссертации Стешевич), а как категория функционально-семантическая, и речь идет не о «семантической зоне модальности» (Стешевич), а об «общей категории модальности».

Во-вторых, после прочтения данных строк у читателя может сложиться ложное мнение, что тот тип модальности, который богемисты называют «волюнтативной мо-

дальностью», а русисты – внутрисинтаксической, Изотов обозначает как «оценочная модальность».

В-третьих, у Изотова говорится не о «двояком положении», а о «пятияком».

Цитирую начало (с.6) диссертации А.И. Изотова:

Функционально-семантическая категория императивности вступает с общей категорией модальности в сложное взаимодействие. Императивные высказывания, традиционно и вполне обоснованно относимые к ирреальной модальности (разновидность объективной внешнесинтаксической модальности в концепции [Золотова 1973], [Всеволодова 2000]), в то же время выявляют смыслы долженствования и возможности, то есть имеют непосредственное отношение также и к внутрисинтаксической модальности (в богемистике этот тип модальности принято называть «волюнтативной»). Очевидна взаимосвязь функционально-семантической категории императивности и с такими часто рассматриваемыми в рамках модального комплекса (ср. [Теория… 1990: 68]) типами значений, как «утверждение/отрицание», «эмоциональная и качественная оценка содержания высказывания» и, естественно, «целевая установка говорящего».

с.24. «Получается, что императивы в очередной раз в результате парафраза получают перформативное прочтение. *Закрой дверь! – Ты должен закрыть дверь!* Однако неясно, является ли высказывание *Ты должен закрыть дверь!* декларативом или приказанием».

Если под «перформативным прочтением» понимать экспликацию внутренней структуры «скрытого перформатива» (исходя из положения создателя термина «перформатив» Дж. Остина о том, что любое высказывание, способное «развернуться» в эксплицитное перформативное высказывание, является *имплицитным* или *скрытым* перформативным высказыванием, например ‘С поля’ = ‘Я объявляю, провозглашаю, выставляю или выкликаю вас с поля’ [*Остин Дж.Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. 62-63]), то всё зависит от того, как именно мы «перформативно прочитаем» данную конструкцию: Прочтение «*Я провозглашаю, что ты должен закрыть дверь*» – декларатив, прочтение «*Я приказываю тебе закрыть дверь*» – приказ. Если же в диссертации предполагается употребление понятия «перформатив», «перформативный», «перформативность» в значениях иных, чем в работах Дж. Остина, то это следовало эксплицитно оговорить в диссертации, обосновав необходимость такого изменения сложившихся терминов.

с.29-30. «Императив, фактически являющийся перформативом, может употребляться без языкового контекста, автономно».

«Императив», понимаемый как «форма императива» или как «категория императива», не может являться перформативом ни фактически, ни как иначе, потому что форма или категория относятся к плану langue Соссюра, а «перформатив» по определению – к плану parole. Если же мы под «императивом» будем понимать «императивное высказывание» (план parole), то нельзя говорить ни о каком «языковом контексте» (план langue). Кроме того, видеть в каждом императивном высказывании «скрытый перформатив» – слишком уж расширительная интерпретация Дж. Остина, которая пусть и представлена в литературе (Крекич Й. Побудительные перформативные высказывания. Szeged, 1993), но уязвима с семиотической точки зрения.

с.30. «Императив выражает прямое волеизъявление, или прямую каузацию, относительно выполнения или невыполнения действия».

Судя по пунктуационному оформлению, в данном предложении прямое волеизъявление и прямая каузация отождествляются, однако это делать не сто́ит. Например, в высказывании *Гори, камин!* налицо прямое волеизъявление, однако нет никакой прямой каузации, поскольку речь идет о действии неконтролируемом (естественно, за пределами гипотетического мира волшебства, где камины – живые и способны контролировать свое горение).

с.32. «Наиболее универсальное и обобщенное значение императива сформулировано в работе Л.А. Бирюлина и В.С. Храковского "Повелительное предложение: проблема теории": "Повелительными можно назвать положительные/отрицательные предложения, в которых выражается идея прямой речевой каузации, интерпретируемая следующим образом: (не) желая исполнения действия Р, которое в момент речи t либо не исполняется, либо исполняется, Говорящий сообщает Слушающему, кто (не) должен быть Агенсом действия Р, и пытается каузировать (не)исполнение действия Р самим фактом этого сообщения"».

Нам представляется, что в докторской диссертации А.И. Изотова (2007 год) представлена «более универсальная» и «более обобщенная» формулировка (она же повторена в его монографии 2008 года; обе работы есть в списке использованной литературы В.Ю. Стешевич). Цитирую фрагмент диссертации А.И. Изотова, где обосновывается необходимость корректировки названной формулировки Л.А. Бирюлина и В.С. Храковского:

Нам представляется также необходимым отметить еще один важный компонент содержательной структуры побудительного высказывания, незаслуженно недооцениваемый, как нам кажется, даже в весьма солидных исследованиях (ср. [Русская грамматика 1979: 195; Типология… 1992: 7]), – каузацию *возможности* действия агенса. *Возможность*, безусловно, может быть интерпретирована через *необходимость* (например *'возможность некоторого действия'* как *'отсутствие необходимости воздержания от него'* или как *'отсутствие необходимости некоторого альтернативного действия'*, что хорошо прослеживается, в частности, на примерах употребления чешских модальных глаголов *moci, muset* с отрицанием и без него), однако нам представляется оправданным введение данного компонента как самостоятельного, тем более, что он может выступать на передний план в семантической структуре некоторых социально значимых семантических интерпретаций побуждения, таких как *разрешение, предложение, приглашение*, ср.: *Садитесь, пожалуйста = 'Вы можете сесть'*.

Суммируя изложенное, мы склонны охарактеризовать в качестве *побудительных* такие высказывания, в которых говорящий сообщает слушающему о *необходимости* и / или *возможности* осуществления агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* и / или *возможность* осуществления агенсом данного действия может обусловливаться *волеизъявлением* одного из участников плана коммуникации и / или его *интересами*. Естественно, что 'воздержание от действия' также является своего рода 'действием'; равно как 'сообщение о необходимости' или 'сообщение о возможности' может значить не только 'необходимость' или 'возможность', но и 'отсутствие необходимости' или 'отсутствие возможности'. [Изотов 2007: 30-31], аналогично [Изотов 2008: 18].

Отметим, что предложенная А.И. Изотовым формулировка отмечает, помимо всего прочего, факультативность семы «волеизъявление» в семантической структуре побудительного высказывания.

На базе этой же формулировки могут объясняться как случаи побудительного употребления неимперативных конструкций (выражение побуждения через тематизацию одного из аспектов семантической структуры побуждения), так и случаи непобудительного употребления императивных конструкций (редукция сложной семантической конструкции до одного из аспектов).

с.32 «Первый и второй тип могут вызвать сомнения лишь у приверженцев самого узкого взгляда на императив, отрицающих императивность форм совместного действия (1-е лицо мн. ч.) и форм типа *пусть поют* (3-е лицо ед., мн.ч.), когда Исполнителем является лицо, не участвующее в коммуникативном акте, а адресат играет роль Транслятора».

Каким образом «Первый тип», который определен в предыдущих строках как [Говорящий = Прескриптор, Слушающий = Исполнитель], может «вызвать сомнения» у сторонников как узкого, так и широкого взгляда на императив?

с.33. При описании предложенных Л.А. Бирюлиным четырех типах соотнесения ролей участников императивной ситуации и коммуникативного акта «Третий тип» [Говорящий ≠ Прескриптор, Слушающий = Исполнитель] иллюстрируется примером *Джерри просил передать: «Береги сына!*, а «Четвёртый тип» [Говорящий ≠ Прескриптор, Слушающий ≠ Исполнитель] – примером *Майку Джерри просил передать: «Береги сына!»*.

По нашим данным (10 000 контекстов, сплошная выборка), побудительные высказывания, соответствующие данным ситуациям, выражаются прежде всего эксплицитными перформативными конструкциями типа *Марья Ивановна просит вас немного подождать* (для 3 типа) и *Марья Ивановна просит зайти к ней заместителя по связям с общественностью и бухгалтера* (для 4 типа), а отнюдь не конструкциями типа приведенных в диссертации. Заметим, что в рассказе Майкла Росса «Очевидец казни» (Журнал «Индекс», 2001, № 14) сочетанием слов *Майку Джерри просил передать: «Береги сына!»* выражается сообщение об имеющем место событии, а никак не «императивное высказывание четвертого типа». В диссертации (где источник не указан) цитируется омонимичная данной конструкция из другого текста, в котором она функционирует именно как «императивное высказывание», либо речь идет не о реальном примере, а об умозрительном конструкте?

с.33. «Есть еще один случай, когда Прескриптор не совпадает с Говорящим, – это случай нереферентного Прескриптора в высказываниях типа: *Всем встать! Суд идет!*»

Мы полагаем, что когда в стандартной ситуации секретарь суда произносит данную фразу, Прескриптор и Говорящий совпадают в его лице.

с.34. «*Сколько волка не корми, он всё в лес смотрит. На чужой каравай рот не разевай.* Подобные универсальные высказывания с нереферентным Прескриптором и Исполнителем уже не являются императивными в собственном смысле слова, а называются императивными лишь условно. Не являются они императивными, поскольку в них утрачены основные признаки императивности, речь о которых пойдет ниже».

Приведенные структуры могут называться «императивными» на том простом основании, что они включают в себя формы императива (план langue). Что же касается плана parole, то «совет» – один из основных семантико-прагматических разновидностей высказываний с актуальной коммуникативной функцией побуждения к действию, так что труднее придумать контекст, в котором структура *На чужой каравай рот не разевай* **не** будет «императивным высказыванием», чем тот, в котором будет.

с.41-42. «Отдельного упоминания заслуживает русскоязычная работа сербского лингвиста Дойчила Войводича "Перформативное микрополе прескриптивности", в котором прескриптивность (побуждение к действию) рассматривается как в рамках функционально-семантического поля перформативности, так и в составе функционально-семантического поля императивности. Несмотря на то, что в фокусе внимания исследователя находятся перформативные глаголы, а не императивные формы, он отмечает, что в основе функционально-семантического микрополя прескриптивности лежит императивная категориальная ситуация. Таким образом, высказывания, составляющие центр функционально-семантического микрополя прескриптивности, выражают императивную категориальную ситуацию, но не средствами повелительного наклонения, а средствами лексической группы перформативных глаголов в изъявительном наклонении».

Во-первых, в сноске на с.41, а также в списке литературы (с. 208) в названии данной статьи вместо «микрополя» мы находим «поле». Какой вариант правилен?

Во-вторых, означает ли сказанное, что Д. Войводич называет функционально-семантическим (микро)полем прескриптивности зону пересечения функционально-

семантического поля императивности и функционально-семантического поля перформативности, а используемый им термин «прескриптивность» тождествен традиционному термину «императивность» (и то, и другое связано с побуждением к действию)?

с.42. «Однако, как отмечает и сам автор, часто вопросительные конструкции употребляются в косвенных речевых актах, значение которых не установлено и не детерминировано в языке, и их связь с категорией императивности может быть оспорена. Еще более дискуссионными являются некоторые случаи императивных косвенных речевых актов в утвердительной форме. Возникает вопрос, насколько правомерно прочтение индикативных высказываний, обозначающих эксплицитное или имплицитное побуждение к действию, как императивных».

Совершенно неправомерно строить логические рассуждения, используя термины из разных терминологических систем без предварительной их унификации. «Императив», «индикатив», «утвердительная форма», «вопросительная конструкция» – всё это взято из исследований, так или иначе продолжающих античную традицию. Создатели же теории речевых актов захотели выяснить, «How to do things with words», совместимость же их исследований с традиционной лингвистикой их не заботила вообще. Не случайно современный специалист по императиву В.Ю. Гусев (внимание которого сосредоточено, судя во всему, на langue) недоумевает, зачем Дж. Серлю понадобились три (из пяти!) типов речевых актов, ср.: «Три последних типа у Серля с точки зрения грамматической типологии являются явно маргинальными…» [Гусев В.Ю. Типология специализированных глагольных форм императива: Дисс. … канд. филол. наук. М., 2005. С. 32].

В рамках ТРА нельзя «оспаривать» связь вопросительных конструкций с категорией императивности уже просто потому, что там нет никаких языковых категорий, а в связи с «вопросом» и «повелением», которые мы привыкли с детства различать даже на письме (в конце первого – вопросительный знак, в конце второго – восклицательный знак) Дж. Серль использует один и том же термин – «директив» (потому что это не «репрезентатив», не «комиссив», не «экспрессив» и не «декларация»).

В рамках же варианта теории функциональной грамматики, предложенной А.В. Бондарко, ответ на заданный в диссертации «вопрос, насколько правомерно прочтение индикативных высказываний, обозначающих эксплицитное или имплицитное побуждение к действию, как императивных» однозначно положительный. Ядро функционально-семантической категории императивности образует грамматическая категория императивности, периферию же – не содержащие грамматических форм императива конструкции, конвенциализованные в языке для выражения императивного значения (= категориального значения «ядерных» элементов).

с.43. «Попытки выявить императивную семантику в примерах типа – *Dosadno mi je. – Kad budem slobodan, javiću se* (*– Мне скучно. – Я позвоню, когда освобожусь*) не являются продуктивными».

Почему? Ведь реплика второго говорящего однозначно свидетельствует, что он интерпретировал реплику первого говорящего именно как побуждение к действию (≈‘сделай так, чтобы мне перестало быть скучно’) – пообещал выполнить высказанную просьбу, как только сможет. Мы не нашли в диссертации критического обзора мнений цитируемых исследователей по поводу входящих в тематическую группу «императивность» терминов, однако на с. 20 «императив» и «повелительное предложение» употреблены как синонимичные, а на с. 28 автор диссертации солидаризуется с мнением авторов «Русской грамматики» (1980), которые категориальным значением повелительного наклонения называют «побуждение к действию», Кроме того, употребленная на с. 151 формулировка имплицирует отождествление «императивных высказываний» и «высказываний, выражающих побуждение к действию», то есть «побудительных высказываний», см.: «Очевидно, что здесь речь не идет о побуждении к действию, следовательно, подобные высказывания не являются императивными» (с. 151). Собеседник

отреагировал на реплику *Dosadno mi je* именно как на высказывание, имплицирующее побуждение ‘Сделай так, чтобы мне не было скучно’, так что «императивная семантика» налицо (см. выше А.В. Бондарко).

с.43. «Императивные высказывания представляют собой лишь часть директивных речевых актов, и в данном случае распространять значение части на целое неправомерно».

Неясно, каким образом данная фраза может быть доказательством отсутствия императивной семантики в только что разобранном примере. О правомерности совмещать термины «императивное высказывание» и «директивный речевой акт» см. выше.

с.43. «Высказывания с модальными глаголами (*Я хочу взять свои вещи; Вы можете идти*) или с перформативными глаголами (*Разрешаю вам удалиться*) являются не императивными, а декларативными, поскольку описывают некоторое положение вещей или состояние Говорящего».

В рамках ТФГ А.В. Бондарко данные высказывания являются «императивными высказываниями», в рамках ТРА Дж. Серля – «директивами» (но не «декларациями»).

с.43 «Попытка выявить императивную семантику во всех директивных речевых актах, включая косвенные, является такой же крайностью, как попытка подвести общее императивное значение под все случаи употребления императивных форм [Сноска: Напр. Фортейн Э. Полисемия императива в русском языке // Вопросы языкознания. 2008. №1]. Разумным нам представляется срединный путь, который признает существование форм, омонимичных императивным, но не имеющих императивной семантики (*а он возьми да и убеги*), с одной стороны, и директивных высказываний, имеющих побудительную, но не императивную семантику, – с другой (*Тебе надо держаться с Анной поласковей*)».

Императивная семантика характеризует все директивные речевые акты по определению, что же касается попыток «подвести общее императивное значение под все случаи употребления императивных форм», то одна из таких попыток в отзыве уже упоминалась, см. [Изотов 2007: 30-31], [Изотов 2008: 18]. Что же касается того, что названо «срединный путь», то он, будучи реализован, серьезно нарушил бы известный со времен Аристотеля принцип неумножения сущностей без необходимости (*Pluralitas non est ponenda sine necessitate* в более поздней формулировке Уильяма Оккамского), поскольку находится в противоречии и с ТФГ А.В. Бондарко, и с классическим вариантом ТРА Дж. Остина и Дж. Серля. Что не менее важно, он находится в противоречии с предыдущим (и последующим) текстом самой диссертации, в которой «императивное высказывание» означает «побудительное высказывание», см. первое замечание к с. 43.

с.44. «Функционально-семантической категории императивности посвящена работа А.И. Изотова "Императивность как прагмалингвистический феномен", в которой автор разделяет 1. категориальную (прямую) императивность, когда императивная семантика выражается специфическими грамматическими (морфологическими и синтаксическими) формами, и 2. некатегориальную (косвенную) императивность, когда императивная семантика передается несобственно императивными способами. Некатегориальная императивность подразделяется на: («а) *эксплицитную*, когда императивный смысл выражается через вопрос, оптативность или будущее время индикатива, и (2б) *имплицитную,* когда императивная семантика имплицируется пропозитивным содержанием высказывания».

Речь идет о хорошо известной концепции А.В. Бондарко, авторство которой А.И. Изотов никогда не пытался приписать себе и которую он излагает в цитируемой работе (а также в своей докторской диссертации) с соответствующей ссылкой. Цитирую из [Изотов 2008: 13-14]:

Речь идет прежде всего о концепции А.В. Бондарко, вводящего понятие ***императивной ситуации***, основными элементами которой являются 1) субъект волеизъявления ($С_1$), 2) субъект-исполнитель ($С_2$), 3) предикат, раскрывающий содержание воле-

изъявления, исходящего от C_1 и обращенного к C_2: каузируется действие (в широком смысле), направленное на преобразование пока (в момент волеизъявления t_1) ирреальной ситуации в ситуацию, которая по замыслу говорящего должна стать в результате каузируемого действия (в момент или период t_2) реальной. <…>

В соответствии со способом представления смыслового содержания повелительности выделяются два типа императивности: ***категориальная (прямая) императивность***, когда императивная семантика выступает как категориальное значение особых морфологических и синтаксических форм (*Передайте, пожалуйста, соль!; Молчать!*), и ***некатегориальная (косвенная) императивность***, когда императивный смысл передается посредством формы с иным (неимперативным) основным значением в особых условиях функционирования данной формы или конструкции. Некатегориальная императивность может быть, в свою очередь, ***эксплицитной***, когда императивный смысл непосредственно выражается (эксплицируется) через вопрос (*Не могли бы вы передать соль?*), через оптативность (*Вам бы помалкивать!*), через футуральную индикативность (*Пойдешь на почту и отправишь письмо!*), и ***имплицитной***, когда императивный смысл лишь имплицируется пропозитивным содержанием высказывания (*Мы хотим есть! = 'Принеси поесть!'*), формально же не выражен, см. [Теория... 1990: 80-87].

с. 46. «Контроль Прескриптора (или, по крайней мере, предположение о наличии контроля) над Исполнителем является необходимым условием успешности императивного высказывания (другим немаловажным аспектом контроля является то, что Исполнитель должен быть в состоянии контролировать исполняемое действие) [ссылка на М.Б. Бергельсон]».

Контроль Прескриптора над Исполнителем (предположения о наличии такого контроля **недостаточно**) является необходимым условием успешности не императивного высказывания (как родового понятия), а группы семантико-прагматических побудительных интерпретаций, которую можно обобщенно обозначить как «приказ». [об этом у М.Б. Бергельсон].

Предположение о контроле Исполнителя над действием, о котором идет речь в высказывании – условие не **успешности**, а самой **возможности существования** императивного высказывания, потому что в противном случае речь пойдет не об императивности, а об оптативности: *Зажги камин!* – императивное высказывание, *Пылай, камин* – оптативное высказывание [об этом у А.Б. Бондарко, см. выше].

с.46-47. «Таким образом, если мы попробуем дать определение категории императивности, то нам понадобится определить семантические составляющие значения императивности (а не функциональные подтипы и не способы выражения). Обязательными составляющими императивности являются значения: 1. каузативность 2. перформативность 3. контролируемость. Без этих компонентов высказывание не может быть охарактеризовано как императивное, даже если к нём присутствует глагольная императивная форма».

К сожалению, содержание этих понятий (каузативность, перформативность, контролируемость), на основе которых определяется ключевое для диссертации понятие императивности, не определяется, а ведь оно в диссертации отнюдь не совпадает с тем содержанием, которое связывается с ними в классических работах по функциональной грамматике и теории речевых актов. О перформативности см. замечание к с. 24 и с.29-30. О контролируемости см. замечание к с. 46. О каузативности см. замечание к с. 160.

С включением на с.47 в число «обязательных составляющих императивности» (как общего понятия, а не «функциональных подтипов») значения «контролируемости» можно согласиться только в том случае, если речь идет о контроле со стороны Исполнителя, но никак не со стороны Прескриптора. К сожалению, в диссертации эти аспекты смешивается, см. примеры *Ладно,* ***пусть приходит*** *твой сын. Ладно,* ***пусть приходят****,...* на с. 148, в которых выражаемое глагольной формой действие обозначено как

«неконтролируемое». О значении «перформативности» см. наше замечание к с. 24 и с.29-30.

с.50. «Категория вежливости предписывает употребление оптатива, который характеризуется отсутствие контроля (в противоположность оптативу)».

Ставшее крылатым высказывание персонажа В. Кикабидзе «Ларису Ивановну хочу!» (побуждение через оптатив) отнюдь не более вежливо, чем «Позовите, пожалуйста, Ларису Ивановну!» (побуждение, выраженное конструкцией с императивом). С вежливостью ситуация гораздо более сложная, см. работы В.М. Алпатова.

с. 57-58. «Императивные формы не сочетаются с личными местоимениями, хотя местоимения могут употребляться в императивных высказываниях в качестве средства усиления экспрессии».

Данное утверждение не было бы внутренне противоречивым в случае, если бы под «императивными высказываниями» подразумевались «императивные высказывания, не содержащие императивных форм» (некатегориальная императивность по А.В. Бондарко). Тогда это утверждение было бы просто неправильным, ср. *Я на работу пошел, а* ***ты*** *в магазин* ***сходи***. Однако на следующей же странице приводятся многочисленные русские и сербские примеры императивных высказываний, содержащие императивные формы (*Да ешь ты уже! Samo ti uživaj!*).

с. 65 «Схожая точка зрения излагается в работе В.Н. Зенчука, …»

Фамилия Валентины Николаевны Зенчук в русском языке не склоняется.

с. 68 «Очевидно, что членение поля императивности и поля перформативности во многом, если не полностью, совпадает».

С данным утверждением можно соглашаться (или не соглашаться) только в том случае, если под «членением» подразумевается «семантико-прагматическое членение», а под «полем перформативности» – «совокупность директивных речевых актов, оформленных перформативной конструкцией (типа *Я умоляю вас вернуться!*)». Поле перформативности в области ***комиссивов*** или ***деклараций*** явного отношения к «полю императивности» не имеет.

с.107. «Оговорим отдельно причины, по которым мы не используем термин "гортатив". Некоторые лингвисты [Сноска: Напр., *Изотов А.И.* К вопросу о полной парадигме чешского императива // В.А. Богородицкий: Научное наследие и современное языковедение: труды и материалы Международной научной конференции. Т.1. Казань, 2007. – С. 59-61.] употребляют его в качестве синонима для «формы совместного действия», в то время как другие …»

Говоря о гортативе, в цитируемых тезисах конференции А.И. Изотов не излагает свои взгляды, а описывает сложившуюся в терминологии ситуацию со ссылкой на «Общую морфологию» В.А. Плунгяна, ср. фрагмент из цитируемой работы:

В связи с императивом как грамматикализованным средством выражения побуждения в научной литературе упоминаются также гортатив (побуждение к совместному действию), юссив (косвенное побуждение, побуждение «третьего лица»), прохибитив («отрицательное» побуждение, запрет действия), адмонитив (предостережение относительно возможных негативных последствий планируемого действия). Тем самым устройство глагольной парадигмы в естественном языке будет различным в зависимости, например, от того, будут ли интерпретироваться показатели гортатива и юссива как морфологические образования на базе собственно императива, или же как полностью самостоятельные, ср. [Плунгян 2003: 318-320].

с.107. «В схожем значении термин hortative употребляет А.В. Исаченко…»

В упоминаемой в сноске книге А.В. Исаченко использована огласовка hortatív (см. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч.2. Братислава, 1960. С. 490).

с.107. «Сочетание "инклюзивное побуждение" и "инклюзивный императив", используемые иногда для обозначения побуждения 1-го лица мн.ч., также, на наш взгляд, являются не очень удачными применительно к двум рассматриваемым славянским языкам. Если в лингвистической системе отсутствует грамматическое противопоставление инклюзив/эксклюзив, то все формы, выражающие побуждение группы лиц, в которую входит сам говорящий (побуждение для "мы" – я/мы с тобой/вами), являются по умолчанию инклюзивными, то есть подразумевается, что Адресат высказывания тоже входит в побуждаемую группу».

Все формы [а также содержащие данные формы конструкции. – *А.И.*], выражающие [вернее, конвенциализованные для выражения. – *А.И.*] побуждение группы лиц, в которую входит сам говорящий (побуждение для "мы" – я/мы с тобой/вами), являются инклюзивными не по умолчанию, а по определению независимо от того, есть в лингвистической системе грамматическое противопоставление инклюзив/эксклюзив или его нет. Кстати, в диссертации активно используется понятие каузативности, хотя ни в сербском языке, ни в русском (в отличие, например, от турецкого или финского) каузатив грамматической категории не образует.

На основе актантной рамки предиката можно выделить десятки теоретически возможных ситуаций побуждения, см. «Типологию императивных конструкций» под ред. В.С. Храковского (СПб., 1992), однако наиболее значимыми из них, как свидетельствует наш материал (10 000 контекстов; сплошная выборка) являются три из них: ***ситуация 1*** – прескриптор побуждения равен говорящему, агенс равен слушающему / слушающим («побуждение второго лица»); ***ситуация 2*** – прескриптор равен говорящему, агенс равен слушающему / слушающим + говорящему («инклюзивное побуждение»); ***ситуация 3***: прескриптор равен говорящему, агенс равен лицу / лицам, не являющимся ни говорящим, ни слушающим («побуждение третьего лица»). Эти три ситуации представлены в подавляющем большинстве рассмотренных нами высказываний с актуальной коммуникативной функцией побуждения (частотность высказываний, основанных на ***ситуации 2*** или на ***ситуации 3***, в разы ниже, чем частотность высказываний, основанных на ***ситуации 1***, однако на порядки выше, чем частотность высказываний, основанных на той или иной из оставшихся возможных ситуаций, включая ситуацию примера *Давайте мы для вас споем!* на с.108). Поскольку в ***ситуации 2*** (в отличие от ***ситуации 1*** или ***ситуации 3***) в число исполнителей (2 или 3 лицо) включается также и сам говорящий (= прескриптор), термин «инклюзивное побуждение» нам представляется вполне удачным. Соответствующие же императивные формы (синтетические и/или аналитические), конвенциализованные в языке для выражения данного типа побуждения, так же оправданно называть «инклюзивными», противопоставив прочим императивным формам.

с. 109. «Но для форм 1-го лица мн.ч. типа *откроем, откроемте* и *давайте открывать* на синхронном уровне логичнее предположить не переносное значение индикативных форм, а омонимию императивных и индикативных форм».

Во-первых, из четырех приведенных форм (или трех, если сочетание *давайте открывать* рассматривать как аналитическую императивную форму) индикативной является только одна (первая), так что стоит ли «множить сущности», если транспозиция («переносное значение») и так всё хорошо объясняет?

Во-вторых, русские императивные формы с финалью *–мте*, судя по всему, вышли из активного употребления лет 70 назад и употребляются с тех пор лишь как грамматический окказионализм. Более или менее регулярно употребляется лишь несколько лексикализованных словоформ: *пойдёмте* + горстка однокоренных и/или тематически близких образований, см. [Изотов 2008: 191-192].

Корпусный материал это подтверждает. Например, конкретная словоформа *откроемте* из обсуждаемого фрагмента обнаружена нами во всех корпусах Русского национального корпуса (http://ruscorpora.ru/ обращение 03.10.2015) один-единственный раз, причем этот один единственный пример её употребления был датирован 1928 го-

дом: *Откроемте жирные губы, Испустим славянский наш гик!* (Иванов В.В. Найдете высокую тему…).

с. 116. «Синтетические формы с *–те* постепенно вытесняются на периферию узуса…»

Не «постепенно вытесняются», а очень давно вытеснены, см. замечание к с.109.

с.132. «Отметим, что с типологической точки зрения конструкция побуждения к совместному действию, обозначающая "давай сделаем" с внутренней формой "пойдём сделаем", является широко распространенной в языках мира».

Это нам представляется вполне вероятным, однако данное утверждение следует подтвердить либо примерами из достаточно большого количества языков, либо ссылкой на соответствующее исследование.

с.134. «опираясь на историю сербского языка, можно отметить, что конструкция *da +наст. вр.* в модальном значении является более древней, чем конструкция *hajde(mo) + наст. вр.*, следовательно, *da +наст. вр.* не может быть ее функциональным дериватом».

Аргумент не работает. Исторически русские полные формы прилагательных – дериваты кратких, а на синхронном уровне всё наоборот. Число примеров легко умножить.

с.142. «Отдельного внимания заслуживает концепция А.В. Исаченко, который разграничивает понятия "повелительное наклонение" (императив) и "побудительная модальность" и считает, что в императиве по семантическим причинам 3-е лицо невозможно, а формы с пусть, пускай являются свободными синтаксическими конструкциями с индикативе. Рассматриваемые формы не могут быть вовлечены в императивную парадигму, поскольку императив предполагает ситуацию, в которой участвуют только Говорящий и Слушающий: "А возлагает действие на В". В целом, мы разделяем мнение А.В. Исаченко о необходимости разграничения понятий "императивность" и "побуждение", считая «императивность» более узким и специфическим, имеющим в основе определенную речевую ситуацию, а "побуждение" – более общим, объединяющим различные речевые цели и интенции Говорящего».

Концепция А.В. Исаченко базируется на понимании императива, как он сам пишет, «в строго морфологическом значении»: «императивом мы будем считать только ту морфологическую категорию, в которой побудительная модальность выражается особыми глагольными формами» [Исаченко 1960: 476-477]. Иначе говоря, коль скоро в русском языке существуют морфологические императивные формы 2-го лица ед. и мн. числа, а также 1-го лица мн. числа, то на их основе и выделяется категориальные признаки императива, вполне закономерно исключающие возможность рассмотрения в качестве императивных каких бы то ни было форм 3-го лица. Если бы в русском языке были распространены морфологические формы 3-го лица типа архаичных латинских *ito* ‘пусть идет’ или *sunto* ‘пусть будут’, то вполне возможно, категориальные признаки императива выделялись бы иначе. Осколков древних форм 3-го лица типа *И меч нас рассуди!* (первое лицо – скупой рыцарь, второе лицо – Альберт, так что меч – третье лицо) для включения их в рассмотрение, видимо, не хватило. Формы и конструкции, которые не являются «императивными», однако также выражают побуждение к действию, А.В. Исаченко называет «побудительными». Так что у А.В. Исаченко разграничение «императивности» и «побудительности» – следствие последовательного семасиологического подхода, а в диссертации – прямое противоречие с тем, что утверждается на других страницах, см. замечание к с.43.

с.144. «Однако семантика юссива занимает промежуточное положение между императивом и оптативом, следствием чего является невозможность образовывать формы юссива от глаголов, обозначающих неконтролируемое действие, формы, императивы

которых невозможны или окказиональны (*цвети, пахни* встречаются только в поэтическом тексте, *пусть цветет, пусть пахнет* – регулярные формы).

Во-первых, семантика юссива не занимает никакого промежуточного места, а совпадает с семантикой императива третьего лица, поскольку речь идет всего лишь о разных терминах для одного и того же понятия. Разница между юссивом (он же императив 3-го лица) и оптативом такая же, как между императивом 2 лица и оптативом, а именно в контролируемости / неконтролируемости (со стороны агенса!) называемого глагольной формой действия, см. разграничение императивной и оптативной ситуации А.В. Бондарко.

Во-вторых, перед нами наглядный пример необходимости проверять все кажущиеся безупречные опирающиеся на интуицию логические построения на эмпирическом материале (благо, существование электронных корпусов по основным языкам это позволяет). Мы обратились к Русскому национальному корпусу, чтобы проверить употребительность форм *цвети, пахни* и сочетаний *пусть цветет, пусть пахнет,* и получили прямо противоположный декларируемому на с. 144 результат: более употребительными (причем с огромным перевесом) оказались как раз формы 2-го лица. В основном корпусе форма *цвети* была обнаружена 21 раз, тогда как сочетание *пусть цветет* – 2 раза, форма *пáхни* 1 раз (мы отбросили омонимичные формы глагола *пахну́ть*), а сочетание *пусть пахнет* – ни разу.

с. 146. «Отметим также, что для выражения желательного, неконтролируемого действия есть форма оптатива (так называемый фактитивный оптатив, выражающий пожелание) *да+3-е лицо наст. вр.*, которая в настоящее время является непродуктивной и используется либо в качестве речевой формулы, либо в качестве художественного приема. ***Да хранит*** *тебя Господь!*

Во-первых, для верующего человека (например, для автора настоящего отзыва) данный и подобные примеры являются примерами не оптативных, а побудительных высказываний, потому что выражают просьбу к Господу (который всё слышит и всё может).

Во-вторых, мы не склонны рассматривать способ выражения побуждения 3-го лица с помощью конструкции *да + 3-е лицо презентно-футуральная форма индикатива* непродуктивным, ср. ***Да простят*** *меня поклонники современного направления в искусстве, но нашим полководцам определенно не везет.* (Киселев. НТВ).

Более того, профессор Д.А. Афиногенов использует пассивную трансформацию данной конструкции для перевода на современный русский язык греческих текстов с однозначно императивной семантикой: *Приходящий или прибегающий к мирским начальникам за рукоположением, если завладеет церковью,* ***да будет низложен****, а если богоугодными заведениями,* ***да будет изгнан*** *с отлучением.* («Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии». М.: Индрик, 1998).

Так что утверждение о непродуктивности данной конструкции нуждается в эмпирической проверке, см. предыдущее замечание.

с. 149. *Только пусть пан никому не говорит, что мой воз – я везу всякий нужный товар…*

В данном примере употребление 3-го лица является полонизмом и довольно редкой для современного русского языка формулой вежливости, которая опять-таки связана с контролируемостью и вовлеченностью в действие. Говорящий дистанцируется от Слушающего, отказываясь от прямой каузации его действий и тем самым подчеркивая социальную дистанцию».

Говорящий **не отказывается** от прямой каузации действий Слушающего. Трансформация синтаксической структуры предложения в соответствии с требованиями этикетными требованиями ничего не меняет в семантической структуре выражаемого данным предложением побуждения, так что структура «Говорящий сообщает Слушающему о возможности и необходимости некоего действия [никому не говорить, что это воз

Говорящего] и пытается каузировать осуществление этого действия самим фактом данного сообщения», представленная в высказывании «Только никому не говори, что это мой воз…», сохранится и при переходе на «выканье» «Только никому не говорите, что это мой воз…», и при переходе на «польский тип» «вежливого» этикетного обращения: «Только пусть пан никому не говорит, что это мой воз…». С контролируемостью же связана не формула вежливости, а побудительная интенция. Об этом свидетельствует, например, то, что контролируемость сохранится, даже если мы побуждение с тем же пропозитивным содержанием сформулируем совсем невежливо: *Смотри, сволочь, никому не говори, что мой воз*... Естественно, речь идет о контролируемости действия со стороны исполнителя данного действия (необходимое условие ситуации императивности, см. А.В. Бондарко).

с. 159. «В высказываниях с так называемым автопобуждением (*Взорву-ка я этот мост, товарищ лейтенант!*) отсутствует не только перформативность, но и сама каузация, поскольку в подобных высказываниях нет "причинения"».

Во-первых, обращение «товарищ лейтенант» свидетельствует о том, что это не самопобуждение, а в крайнем случае (в терминах теории речевых актов) гибридный речевой акт, совмещающий директив (самопобуждение) и репрезентатив (информирование «товарища лейтенанта» о своем намерении).

Во-вторых, в соответствии с только что приводившейся схемой семантической структуры побуждения, данное самопобуждение можно описать следующим образом: Говорящий напоминает самому себе о возможности и необходимости некоего действия [взорвать «этот мост»] и пытается каузировать данное действие самим фактом своего напоминания. Как мы видим, каузация налицо, а о перформативности см. примечание к с.24, с.29-30.

с. 160. «Далее, если мы продолжаем считать формы 1-го лица ед.ч. на *–ка* императивными, то можно предположить, что речь идет об автокаузации, когда референты каузатора и объекта каузации совпадают (типа *бриться, злиться* и т.д.). Однако в подобных высказываниях не удовлетворяется основное требование каузации – изменение объекта каузации. <…> В высказываниях с так называемым автопобуждением объект каузации не претерпевает никаких изменений, такое высказывание не является причиной, вызывающей действие. Таким образом, автопобуждение не удовлетворяет одному из основных критериев императивности – наличию семы каузации».

То, что сема каузации в автопобуждении присутствует, было только что показано в примечании к с. 159. При этом, как и в случае с другими типами побуждения, объектом каузации является не агенс, а само действие.

То же, что в диссертации на с. 160 самопобуждение связывается с самокаузацией, заставляет предполагать, что именно агенс, а не действие, мыслится в качестве объекта каузации и на с. 46-47, где первой из трех там обозначенных «семантических составляющих императивности» названа «каузативность», и везде, где «каузативность» в диссертации встречается.

с. 161. «В то время как в семантике императива обязательным компонентом является сема каузации, а общее значение императивных высказываний не побудительное (поскольку побуждение может быть и внутренним), а повелительное (императив представляет собой речевое действие, направленное на управление поведением адресата)».

Во-первых, данная фраза выглядит как придаточное предложение с отсутствующим главным предложением.

Во-вторых, она противоречит данной ранее (с.20, с.24, с.28, с.151) характеристике побудительного значения как общего значения императивного высказывания.

с. 162-163. «Императив и оптатив имеют дополнительное распределение по признаку контролируемости/неконтролируемости. "Если говорящий (полагает, что) контролирует ситуацию, возможно только первое значение, в противном случае – только второе"[ссылка на: Гусев В.Ю. Типология…С. 244]».

Речь идет о «типологическом» взгляде на императив и оптатив В.Ю. Гусева, плохо совмещающемся, на наш взгляд, с классическими работами по функциональной грамматике и по теории речевых актов. О контроле говорящего над ситуацией можно говорить только в случае авторитарного побуждения (условно ПРИКАЗ), а о каком контроле можно говорить, например, в ситуации СОВЕТА или МОЛЬБЫ?

с. 213 «Сергиевская Л.А. Императивные предложения со значением совместного действия в современном русском языке». Не указаны выходные данные работы.

Мы предполагаем, что имеется в виду кандидатская диссертации данного автора, защищенной в Москве в 1982 году, либо её автореферат.

Таким образом, наши замечания в основном имеют поясняющий или же дискуссионный характер и не препятствуют высоко оценить рецензируемую диссертацию.

Автореферат и публикации Варвары Юрьевны СТЕШЕВИЧ достаточно полно отражают основное содержание работы.

Представленное Варварой Юрьевной СТЕШЕВИЧ исследование «Категория императивности и средства её объективации в русском и сербском языках» соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, как они изложены в пунктах 9 и 10 Положения ВАК РФ о порядке присуждения ученых степеней, являясь научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для сербистики, а её автор заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.03 – славянские языки.

5.10.2015

доктор филологических наук,
профессор филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова А.И. Изотов

119992, г. Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В.Ломоносова,
I учебный корпус гуманитарных факультетов,
филологический факультет, ауд. 1056
+7-495-939-24-55
a.i.izotov@mail.ru